

16

этажей

счастья

Алла Краснова

16 этажей счастья

«Автор»

2026

Краснова А.

16 этажей счастья / А. Краснова — «Автор», 2026

Анфиса сбегает из серого мира в мир, где новое ощущение счастья можно познать, просто спустившись на этаж ниже. Теперь она уверена, что будет счастлива. Но так ли это, если каждый уровень счастья таит в себе немало препятствий, которые нужно пройти. И что ей предстоит найти на пути к своему счастью?

© Краснова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Междумирье	10
Глава 3	14
Подарок судьбы	15
Глава 4	19
Глава 5	23
Восьмой трамвай и тёплые книги	23
Г	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Алла Краснова

16 этажей счастья

Глава 1

Крыша, на которой не сбываются желания

Я помню тот день, тогда я работала официанткой в кафе под названием «Включите». Довольно странное название, да и хозяйка кафе у вас была странная. Впрочем, это было не важно. Платили исправно, иногда я могла позволить купить себе на чаевые новое платье. Наше кафе располагалось на третьем этаже трёхэтажного здания, в летние месяцы нам ещё полагалась крыша. Там тоже стояли столики, и можно было выходить, смотреть на столичные здания, на небо. Я любила там бывать, особенно в вечерние часы. Я загадывала иногда желания, но они никогда не исполнялись. Когда я начинала работать в кафе, то копила деньги на учебу в институте, но учебу я бросила, было дело. Поэтому просто копила деньги, чтобы позволить себе съёмную квартиру, а не комнату в квартире, которую занимали ещё три странные женщины. Я с ними старалась не встречаться, приходила только переночевать. Они пугали меня своими мыслями, выражениями своих лиц и всякими ритуалами. Наша съёмная квартира была на втором этаже этого же здания, что и кафе, поэтому до работы добираться было очень удобно - достаточно было подняться на этаж выше.

В то утро я проснулась от того, что кто-то на кухне включил музыку. Не просто радио, а низкое, тягучее пение, похожее на церковное, но с неправильными нотами. Я лежала на своём продавленном диване, вжав голову в подушку, и считала удары сердца. Три, четыре, пять. Если бы я могла, то не выходила бы из комнаты до вечера, но смена начиналась в двенадцать, а хозяйка кафе, Марьяна, терпеть не могла опозданий.

— Анфиса, выходи, не стесняйся! — пропела из коридора Агния, самая старшая из моих соседок. — Мы тут завтракаем.

Я представила их завтрак. На прошлой неделе они жарили на сковородке что-то, что пищало. Я не шучу. Пищало и дёргалось. Агния сказала, что это «специальные травы для энергии». Зоя, вторая соседка, добавляла туда свечи. Не воск, а именно целые тонкие свечи, которые она предварительно ломала руками. Третья, Света, вообще не разговаривала со мной, только смотрела долгим взглядом, когда я мылась в душе. Я закрыла дверь на щеколду, но всё равно чувствовала её взгляд сквозь замочную скважину.

— Я опаздываю, — крикнула я и натянула форменное платье. Тёмно-синее, почти чёрное, с белым фартуком. Марьяна говорила, что это создаёт «эффект уюта и лёгкой грусти». Грусть у нас была в меню отдельной позицией, стоила дороже капучино.

Я выскользнула в подъезд, не глядя на кухню. Пахло ладаном и жжёной бумагой. Зоя сидела на корточках посреди коридора и рисовала мелом круг.

— Сегодня ночью будет сбор, — сказала она, не поднимая головы. — Ты придёшь, Анфиса?

— У меня работа до позднего вечера.

— Марьяна тоже придёт. Мы все будем.

Я поднялась по лестнице быстрее, чем обычно. Марьяна? Хозяйка кафе, которая терпеть не могла всё эзотерическое и вешала на стену табличку «Кофе без предсказаний»? Это было новостью. И неприятной.

Кафе «Включите» встретило меня запахом ванили и озона. Марьяна уже стояла за стойкой и протирала чашки. Она была высокой, тощей, с короткой стрижкой и вечно удивлёнными глазами. На ней сегодня была брошь в виде лампы накаливания — её фирменный знак.

— Анфиса, ты бледная, — сказала она вместо приветствия. — Опять соседки?

— Они странные, Марьяна.

— Все странные, — она пожала плечами и кивнула на лестницу, ведущую на крышу. — Иди, открой столики. Сегодня хороший ветер.

Крыша была моим единственным убежищем. Я поднялась по узкой винтовой лестнице, толкнула тяжёлую дверь — и выдохнула. Город лежал передо мной как на ладони: серые крыши, золотые купола где-то далеко, лента реки. Я расставила столики, протёрла влажные от утренней росы скатерти и встала у парапета. Внизу шумел проспект, но здесь, на третьем этаже, было тихо. Только ветер и далёкие голоса.

Я закрыла глаза и загадала желание. Обычное: чтобы сегодня никто из соседок не пришёл в кафе. Чтобы вечером я застала свою комнату пустой. Чтобы никто не рисовал меловые круги в коридоре.

— Опять желание? — раздался голос за спиной.

Я вздрогнула. Марьяна поднялась следом, держа в руках две чашки. В одной был кофе, в другой — горячий шоколад с солью, её личный рецепт.

— Откуда вы знаете?

— Ты всегда так замираешь, — она протянула мне шоколад. — И всегда одно и то же лицо: надежда, потом страх, потом смирение. Твои желания никогда не сбываются, Анфиса. Ты знаешь почему?

Я отпила горькую солёную жидкость и помотала головой.

— Потому что ты загадываешь не то, — сказала Марьяна и посмотрела на небо. — Ты просишь, чтобы у тебя чего-то не было. Чтобы кто-то ушёл. Чтобы что-то закончилось. А мир не умеет исполнять «не». Он исполняет только то, что есть.

— То есть?

— Загадай, чтобы у тебя была своя квартира. Чтобы в ней было тихо. Чтобы на подоконнике стояли цветы. Не «пусть соседки исчезнут», а «пусть у меня появится свой дом».

Я хотела сказать, что это глупость, что желания от этого не работают. Но запнулась. Потому что она была права. Я никогда не пробовала загадывать «что-то». Только «не-что». Не видеть их ритуалов. Не слышать пения. Не чувствовать запаха ладана.

— Сегодня вечером они собираются, — тихо сказала я. — Зоя сказала, что вы тоже придёте.

Марьяна медленно поставила чашку на столик. Её вечно удивлённые глаза стали серьёзными.

— Приду, — кивнула она. — Не бойся их, Анфиса. Они просто ищут то же, что и ты. Только ты ищешь выход. А они — вход.

— Вход куда?

Марьяна не ответила. Она повернулась к двери и уже взялась за ручку, но остановилась.

— Сегодня, когда закончишь смену, не уходи сразу. Посиди на крыше. Загадай то желание. Правильное. И посмотри на звёзды.

— Они не исполняются, — повторила я.

— Потому что ты загадываешь на своей крыше, — бросила она через плечо. — А надо на чужой.

Дверь захлопнулась. Я осталась одна с солёным шоколадом и странным чувством, что сегодня ночью что-то изменится. В хорошую сторону или в плохую — я не знала. Но впервые за долгое время мне не хотелось бежать из этого кафе, с этой крыши, из этой жизни.

Я просто стояла и смотрела, как ветер гонит по небу облака, похожие на дым от сгоревших свечей. И думала о том, какое желание загадаю сегодня вечером. На чужой крыше. Если, конечно, решусь.

Внизу, в зале, звякнул первый посетительский колокольчик. Смена началась. А вместе с ней — отсчёт до вечера, когда три странные женщины в моей квартире начнут свой ритуал, а хозяйка кафе, которая никогда ничему не удивлялась, придёт к ним с погашенной лампой.

Я спустилась вниз. И улыбнулась первой гостье — пожилой даме в фиолетовом берете, которая всегда заказывала эспрессо и говорила, что у меня «добрые глаза».

— Сегодня будет особенный вечер, — сказала я ей.

Она не поверила. Я — тем более. Но оказалось, что мы обе ошибались.

Я долго стояла на крыше, пытаюсь загадать новое желание, только теперь уже правильно. Мир вокруг меня напоминал мне мыльный пузырь, а хотелось четкости, ясности, смысла, а не этих странных людей и их магических ритуалов. Но я понимала, что на нормальную жизнь ещё не накопила. «Ну и чего будем теперь загадывать?» — сказал мне внутренний голос. Я задумалась. «Я не знаю, что должно произойти, но я наконец хочу быть счастлива, — разродилась я желанием. — Я не знаю, что для этого надо, я не понимаю, что мне надо. Я просто хочу быть счастлива».

Загадав это желание, я замерла, а потом осмотрелась вокруг. Вроде ничего не поменялось, тогда я подумала, что опять ничего не изменится, а зря.

Потому что изменения начались не с неба, не с ветра и даже не с крыши. Они начались с моего живота. Точнее, с тихого, но отчётливого урчания. Я поняла, что с момента того странного завтрака у соседок не съела ни крошки. Солнце уже клонилось к закату, и я вдруг осознала: счастье, каким бы оно ни было, вряд ли придёт к голодной официантке с пустым кошельком.

Я спустилась с крыши. В кафе было почти пусто — только пара посетителей пили чай у окна. Марьяна стояла за стойкой и нарезала лимон такими тонкими кружками, что они просвечивали. Она взглянула на меня и усмехнулась.

— Ну что, сбилось?

— Не знаю, — честно ответила я. — Я загадала... счастье. Просто счастье.

— Ох, Анфиса, — Марьяна отложила нож. — Счастье — это не желание. Это маршрут. Ты же не заказываешь в такси «куда-нибудь, где хорошо»? Водитель высадит тебя на пустыре.

Я хотела возразить, но она продолжила:

— Ладно. Сегодня вечером я всё равно иду к твоим соседкам. Ты со мной? Только честно.

— Боюсь, — выдохнула я.

— Правильно. Но если хочешь понять, почему они рисуют круги и жгут свечи, а не просто пьют пиво у телевизора, — приходи. В восемь. Я зайду за тобой.

Она сказала это так буднично, словно приглашала на дегустацию нового сорта кофе. Я кивнула, хотя внутри всё сжалось. Потом доработала смену — разнесла чашки, вытерла столы, приняла оплату от дамы в фиолетовом берете. Та, как обычно, сказала: «У тебя добрые глаза». Я улыбнулась, но в этот раз её слова показались мне почти пророческими, потому что мне казалось, что счастье и доброта — это где-то совсем близко.

В четверть девятого я стояла у своей парадной. Марьяна пришла без опоздания, без обычной броши-лампочки и без фартука. На ней был длинный чёрный плащ, из-под которого выглядывали потёртые джинсы. В руке — маленький бумажный пакет.

— Что там? — спросила я.

— Соль, — сказала она. — Крупная, морская. Для защиты.

— От чего?

— От дурости. Пошли

Мы поднялись на второй этаж. Дверь в квартиру была приоткрыта, и оттуда тянуло уже знакомым ладаном и ещё чем-то сладким, приторным — как переспелая груша. Я толкнула дверь. В коридоре горела только одна свеча — та самая, восковая, которую Зоя когда-то ломала на завтрак. Она стояла в центре мелового круга, и её пламя почти не колыхалось, хотя из кухни тянуло сквозняком.

Агния, Зоя и Света сидели на полу вокруг круга. Агния — в цветастом халате, Зоя — в чём-то чёрном и облегающем, а Света, которая никогда со мной не разговаривала, подняла голову и... улыбнулась. Впервые за всё время. У неё оказались очень белые зубы и грустные морщинки вокруг глаз.

— Марьяна пришла, — сказала Агния. — И Анфиса. Садитесь.

Я села на холодный линолеум, чувствуя себя школьницей, которую вызвали к доске. Марьяна опустилась рядом, высыпала соль из пакета в небольшую плошку и поставила её перед собой.

— Что вы делаете? — спросила я шёпотом.

— Ищем вход, — ответила Зоя. — Марьяна тебе говорила. Ты ищешь выход, мы — вход.

— Вход куда?

— Туда, где всё не так, — сказала Света. — Где можно начать заново. Без прошлого. Без ошибок.

Она произнесла это так спокойно и так горько, что я вдруг поняла: они не сумасшедшие. Они просто отчаявшиеся. Как я. Только я ещё держалась за свою комнату, за кафе, за крышу. А они уже от всего отказались.

— И как вы это делаете? — спросила я.

— Сейчас увидишь, — сказала Марьяна. — Но сначала дай руку.

Я протянула ладонь. Она взяла её, холодной и сухой, а потом неожиданно сильно провела ногтем по моему указательному пальцу — до крови. Я вскрикнула.

— Тихо, — сказала Агния. — Это жертва. Не большая, но честная.

Марьяна выдавила каплю моей крови в плошку с солью и размешала. Потом встала, подошла к свече и бросила туда щепотку этой смеси. Пламя вспыхнуло белым, на секунду ослепив всех, а потом стало обычным жёлтым.

Ничего не произошло. Я уже хотела сказать, что это глупость, но вдруг...

В коридоре погас свет. Не только в квартире — за окном тоже. Фонари, окна соседнего дома, рекламная вывеска — всё мигнуло и погасло. Наступила тишина, которую я никогда раньше не слышала: без гудения холодильника, без шума машин, без собственного дыхания.

— Вход открылся, — прошептала Света.

Я посмотрела на меловой круг. Он больше не был плоским. Он... дышал. Как чёрная вода в колодце. И оттуда пахло не ладаном, а мокрой землёй и чем-то очень далёким, почти забытым — детством, что ли.

— Ну что, Анфиса, — сказала Марьяна. — Ты хотела счастья? Оно не приходит само. За ним надо идти. Туда.

Она кивнула на круг.

— А вы? — спросила я.

— Мы за тобой, — ответила Агния. — Или не за тобой. Каждый сам решает.

Я стояла на коленях перед дышащим чёрным кругом, и в голове стучало одно: «Ты загадала быть счастливой. Ты не знала, что это значит. Теперь узнаешь».

И я сделала шаг.

Глава 2

Междумирье

Первые впечатления после перехода я почти не помню. Мне вообще казалось, что я сплю: вот сейчас открою глаза и окажусь в своей постели. Так думалось, пока меня что-то не зацепило — острое, странное, непонятное. Как будто я куда-то бежала, а потом зацепилась одеждой за крюк. Ощущение. Я замерла, постепенно открывая глаза, как будто мне их больно было открыть, как будто я глазами пыталась продраться в новую незнакомую реальность. В моё сознание стал пробираться свет, а с ним и образы, но пока непонятные, расплывчатые. Они как будто плыли и крутились красками, пока наконец новая реальность не приобрела устойчивую картинку.

Я лежала на земле. Нет, не на асфальте и не на линолеуме — на настоящей, пахнущей прелыми листьями земле. Надо мной было небо. Но не московское, не серое и низкое, а какое-то фиолетовое, с двумя лунами. Две луны. Я моргнула раз, другой — нет, не показалось. Одна большая, бледно-сиреневая, и вторая поменьше, золотистая, как старая монета. И ни одной звезды.

Я села. Голова кружилась, но не тошнотно, а как после долгого сна, когда ты не понимаешь, какой сейчас год. Вокруг был лес. Станный лес: деревья росли ровными рядами, как в парке, но листья на них были не зелёные, а тёмно-бордовые, почти чёрные. И тишина. Абсолютная. Ни птиц, ни ветра, ни собственного дыхания — звук возвращался ко мне с задержкой, словно эхо в пустом зале.

— Анфиса.

Я вздрогнула. Голос был справа, но я никого не видела. Только стволы и папоротник с серебристыми прожилками.

— Кто здесь? — спросила я. Голос прозвучал хрипло и чуждо.

— Та, которая помнит.

Из-за дерева вышла женщина. Я ожидала увидеть Марьяну или Агнию — кого-то из наших. Но нет. Это была незнакомка. Лет сорока, с длинными седыми волосами, заплетёнными в одну косу, и в платье из такой же грубой ткани, как мешковина. Босая. На шее — камень на верёвке, чёрный и блестящий, как обсидиан.

— Где я? — спросила я, пытаясь встать. Ноги слушались плохо, колени тряслись.

— В Междумирье, — ответила женщина. — Ты сделала шаг. Ты хотела счастья.

— Откуда вы знаете?

— Я помню всех, кто проходил через круг. Их желания, их страхи, их имена. Ты — Анфиса. Ты работала в кафе. Ты жила с тремя женщинами, которые искали вход. И ты загадала счастье, не зная, как оно выглядит.

Она говорила без насмешки, просто констатировала факты. И от этого становилось не легче, а страшнее.

— А вы? — спросила я. — Вы тоже прошли?

Женщина покачала головой.

— Я здесь родилась. Я — Хранительница переходов. Каждый, кто входит в Междумирье, должен встретиться со мной. И ответить на один вопрос.

— Какой?

Она подошла ближе. Босиком, но я не слышала шагов. Только чувствовала холод, исходящий от её камня.

— Ты ищешь счастье, — сказала она. — Но счастье — это не место и не вещь. Это способность помнить, зачем ты идёшь. Так зачем ты идёшь, Анфиса?

Я открыла рот, чтобы сказать что-то умное: про свободу, про новую жизнь, про то, что устала от соседок и грязной комнаты. Но слова застряли в горле. Потому что я вдруг поняла: я не знаю. Я шла от, а не к. От одиночества, от страха, от пустоты. А куда — не представляла.

— Не знаю, — прошептала я. — Просто... я хотела, чтобы что-то изменилось.

— Этого мало, — сказала Хранительница. — Тысячи людей проходят через круги, потому что хотят «чтобы что-то изменилось». Они попадают сюда и бродят годами, пока не забывают свои имена. Хочешь остаться здесь навсегда?

— Нет!

— Тогда вспомни. Не «от чего», а «к чему». Ты хотела счастья. Какого? Опиши.

Я зажмурилась. Перед глазами встала не новая квартира и не деньги. Встало утро на крыше «Включите». Ветер, солёный шоколад Марьяны и чувство, что в этот момент мне не нужно ничего другого. Не потому, что я была счастлива. А потому, что я была здесь. Полностью. Без мыслей о соседках, без страха перед завтрашним днём.

— Я хочу... чувствовать, что я живу. Не бегу, не прячусь, а просто... живу. И чтобы рядом был кто-то, кто меня понимает. Даже если это странная хозяйка кафе с её солёным шоколадом.

Я открыла глаза. Хранительница смотрела на меня с удивлением — первая эмоция за весь разговор.

— Редкий ответ, — сказала она. — Обычно просят деньги, власть, бессмертие. А ты — «чтобы быть здесь и сейчас». Это сложнее.

— И что мне делать?

— Иди прямо. Не сворачивай. Через час ты выйдешь к мосту. За мостом — твой мир. Но он будет не таким, как раньше. Переход меняет людей. Иногда — к лучшему.

Она протянула руку и коснулась моего лба. Пальцы были ледяными, но от прикосновения разлилось тепло. В голове прояснилось, ноги перестали дрожать.

— А вы? — спросила я. — Останетесь здесь?

— Я всегда здесь, — сказала Хранительница. — Жду следующих. Тех, кто загадает счастье, не зная его лица.

Она развернулась и пошла между бордовых стволов. Через три шага её силуэт растворился в фиолетовом воздухе, будто его и не было.

Я осталась одна. Две луны висели надо мной, и где-то далеко, между деревьями, мерцал свет. Не электрический, а какой-то живой, тёплый — как от керосиновой лампы.

«Иди прямо», — сказала она.

Я пошла. Земля под ногами была мягкой, податливой, и каждый шаг оставлял след. Я оглянулась — следы уже исчезали, затягивались чёрной листвой. Будто меня никогда здесь не было.

«Может, так и надо, — подумала я. — Не оставлять следов. Просто идти».

Впереди замаячил мост. Старый, каменный, перекинутый через реку, которой не было слышно. И на том берегу — не лес, а город. Но не мой. Другой. С низкими домами и яркими окнами.

Я сделала глубокий вдох — впервые за всё время после перехода — и ступила на мост. Под ногами захрустел гравий. Где-то за спиной, в Междумирье, Хранительница прошептала:

— Не забывай, зачем ты идёшь.

Я не забыла. Я шла за счастьем. И теперь хотя бы знала, как оно пахнет: ветром, кофе и чьим-то тёплым плечом рядом.

На самом деле я не знала, куда мне конкретно идти, но что-то меня вело. В этот незнакомый город, незнакомый мир, где я смогу найти своё счастье. Я шла и шла, когда проходила возле домов, то подумала, что мимо должен проехать восьмой троллейбус... и через мгновение

показался троллейбус, и он действительно был номером восемь. В нём я проехала три остановки, просто так, по наитию. Он остановился возле оранжевой многоэтажки, которая сильно контрастировала со всеми остальными зданиями, и я была почему-то уверена, что именно там я теперь живу. Я поднялась на шестнадцатый этаж, рука сама потянулась к сумке, которая была через плечо, и я открыла дверь незнакомой квартиры незнакомыми ключами, как будто всегда знала, что они лежат в моей сумке.

За порогом было тихо. Очень тихо. Но не той пугающей тишиной Междумирья, а тишиной дома, в котором кто-то недавно жил и вот-вот вернётся. Пахло сушёными травами и старыми книгами. Я шагнула внутрь, и дверь за мной мягко закрылась сама — без щелчка, без вздоха, просто перестала быть дверью.

Прихожая оказалась узкой и длинной, как коридор в старых коммуналках. На стене висело зеркало в резной раме, но я не решилась в него смотреться. Боялась увидеть не себя. Боялась увидеть себя прежнюю. Вместо этого я прошла дальше.

Первой была кухня. Небольшая, но с огромным окном во всю стену. За окном — тот самый незнакомый город: низкие дома с черепичными крышами, узкие улочки и ни одной машины. На плите стоял чайник, завалившийся в раковину — одна чашка. Я потрогала чайник. Он был тёплым. Словно его только что выключили.

— Есть кто? — спросила я. Голос прозвучал глухо, как в вате. Никто не ответил.

Я обошла квартиру. Комнат оказалось две: одна проходная, с диваном и письменным столом, вторая — спальня. В спальне стояла кровать, застеленная белым покрывалом, и на подушке лежала записка. Я взяла её дрожащими пальцами. Бумага была плотной, шершавой, а чернила — фиолетовыми, под цвет тамошней луны.

«Анфиса, — было написано круглым аккуратным почерком. — Добро пожаловать домой. Здесь ты можешь оставаться столько, сколько захочешь. Но помни: счастье не живёт в четырёх стенах. Оно ждёт за порогом. Твой ключ — это твоё желание. Не потеряй его. Марьяна».

Я перечитала записку три раза. Марьяна. Значит, она была здесь. Или знала, что я окажусь здесь. Или сама когда-то прошла через этот переход? Но тогда почему она осталась в том мире, в кафе? Вопросов было больше, чем ответов.

Я села на край кровати и вдруг почувствовала, как сильно устала. Не физически — я не помнила, сколько шла и ехала, — а какой-то глубокой, костной усталостью. Будто за меня прожили несколько жизней, а мне остались только воспоминания о них. Я легла, не раздеваясь, и закрыла глаза.

Сон пришёл сразу, но он был странным: без картинок, без звуков. Только цвет — оранжевый, как стена дома, в котором я оказалась. И чувство, что кто-то сидит рядом и гладит меня по голове. Я хотела открыть глаза, но не смогла. Рука была тяжёлой и тёплой, и я подумала: «Пусть. Пусть гладит. Мне всё равно».

Проснулась я от того, что за окном пели птицы. Настоящие, живые птицы — не те, что в Междумирье. Я села на кровати и осмотрелась. В спальне ничего не изменилось, но на тумбочке появился стакан воды и тарелка с хлебом. Я не слышала, чтобы кто-то входил. Может, я сама принесла во сне? Или здесь есть невидимый хозяин?

Я поела. Хлеб оказался пресным, но сытным, и вода была холодной и чистой. Потом я встала, умылась из кухонной раковины (вода текла, и это было уже большим чудом) и подошла к окну.

Город при дневном свете оказался совсем другим. Не мрачным и чужим, а каким-то игрушечным: домики в два-три этажа, выкрашенные в пастельные тона, зелёные шпалеры вдоль улиц и вдалеке — река, широкая и спокойная. На набережной кто-то гулял. Я видела фигурки, но не могла разобрать лиц.

«Выходи, — шепнул внутренний голос. — Ты пришла сюда не для того, чтобы сидеть в чужой квартире».

Я надела свою старую куртку (она почему-то оказалась выстиранной и без дырок) и вышла. Ключи снова лежали в сумке, я заперла дверь и сунула их в карман. Лифта в подъезде не было, и я спустилась пешком, считая ступеньки. На шестнадцатом этаже их оказалось ровно двести три. Я запомнила это число, хотя не знала зачем.

На улице меня встретил ветер. Тёплый, почти летний, с запахом соли и цветов. Я пошла туда, куда вели мои ноги — к набережной. По пути я заметила, что на домах нет номеров. Ни табличек, ни вывесок. Только цветные двери: синие, жёлтые, зелёные. Моя была оранжевой. И когда я оглянулась на свой подъезд, то увидела, что он тоже оранжевый — единственный на всю улицу.

У набережной стояла скамейка. На ней сидела девушка примерно моих лет — русые волосы, простое платье, в руках книга. Она подняла голову, когда я приблизилась, и улыбнулась.

— Ты новенькая? — спросила она. — Давно не было новеньких.

— Да, — сказала я. — Я... пришла из другого мира. Ищу счастье.

Девушка кивнула, как будто это было самое обычное дело.

— Все мы его ищем, — сказала она. — Только некоторые забывают, зачем пришли. Ты помнишь?

— Кажется, да.

— Тогда держись за это. А меня зовут Вера. Я здесь уже... — она задумалась, — наверное, года три. По местному времени.

— И ты нашла своё счастье?

Вера посмотрела на реку. Вода была неподвижной, как зеркало, и в ней отражались облака.

— Не знаю, — сказала она. — Я нашла покой. Это не совсем счастье, но близко. А ты что ищешь?

Я села рядом. Ветер трепал мои волосы, и впервые за долгое время мне не хотелось никуда бежать.

— Я ищу место, где я буду просто... жить. Не бояться, не прятаться, не загадывать желания на крыше. Просто жить.

Вера положила книгу на колени.

— Тогда ты почти пришла, — сказала она. — Но проверка будет позже. Здесь всегда есть проверка.

— Какая?

— Увидишь. Не бойся. Это не больно. Просто непривычно.

Она замолчала, и мы долго сидели вдвоём, глядя на неподвижную реку. А я думала о том, что счастье, возможно, не в том, чтобы получить всё сразу. А в том, чтобы перестать ждать. И просто быть. Здесь. Сейчас. На скамейке у реки, с незнакомкой, которая понимает тебя без слов.

Вечером я вернулась в оранжевую квартиру. На столе уже стоял ужин — тарелка супа и чай. Снова никого. Но я перестала бояться этого «никого». Может, это и есть моё счастье: забота без вторжения. Тихое присутствие мира, который принял меня.

Перед сном я выглянула в окно. Над городом висели две луны. Такие же, как в Междумирье. Значит, я всё ещё была не в своём мире. Но, может, мой мир — это не место на карте. Может, это состояние, когда тебе не больно.

Я легла и закрыла глаза. И впервые за много лет не загадала никакого желания.

Глава 3

Подарок судьбы

Утром я проснулась со стойким ощущением, что мне пора на работу. Я не задавалась вопросом, кем я работаю в этом мире, я просто встала и стала собираться на неё. Я делала всё машинально, как будто не я делала, а мной делали, но моё сознание было в покое. А больше всего меня поразило спускаться с шестнадцатого этажа, потому что я практически не уставала, как будто сила всемирного тяготения здесь не слишком учитывалась. Когда я спускалась по лестнице, у меня возникло ощущение, что я вот-вот полечу.

И я полетела. Не сразу, не резко, а постепенно: сначала ступни оторвались от бетонных ступенек на палец, потом на ладонь, потом я повисла в воздухе, как воздушный шарик, и поплыла между перилами. Сердце ёкнуло, но страха не было. Только удивление — ровное, спокойное, почти ленивое. «Ах, вот как здесь можно», — подумала я и продолжила спуск в метре над лестницей.

На первом этаже я мягко коснулась пола. Выходная дверь открылась передо мной сама, и я вышла на улицу. Город уже проснулся: на улочках появились люди, кто-то нёс корзины с хлебом, кто-то вёз тележку с цветами. Все они двигались неторопливо, без суеты, и никто не посмотрел на меня с удивлением. Может, здесь летать по утрам — обычное дело.

Но куда мне идти на работу? Я не знала ни адреса, ни названия, но ноги понесли меня вверх по улице, мимо жёлтых и зелёных дверей, мимо палисадников с незнакомыми цветами. Я шла и вдруг поняла: я знаю дорогу. Не умом, а телом. Каждый поворот, каждый перекрёсток был знакомым, словно я прожила здесь годы. И это было странно — ведь я пришла сюда только вчера.

Через пятнадцать минут я остановилась перед низким зданием из красного кирпича. Над входом висела вывеска, но буквы на ней были не моими — какие-то петлистые, похожие на вензеля. Однако я прочитала их без труда: «Включите». То же самое название. То же самое кафе. Только здесь.

Я толкнула дверь, и меня встретил знакомый запах кофе и ванили. Внутри всё было почти как в моём мире: столики с белыми скатертями, барная стойка, витрина с пирожными. Но не было Марьяны. За стойкой стояла девушка — молодая, с короткой стрижкой и серёжкой в носу. Она улыбнулась мне, как старой знакомой.

— Анфиса, ты как раз вовремя, — сказала она. — Смена начинается через пять минут. Переодевайся.

Она кивнула на дверь подсобки. Я зашла, и там уже висела форма — такое же тёмно-синее платье с белым фартуком, только новее и без пятен. Я надела его, поправила волосы перед зеркалом и вышла. В зеркале я увидела себя — ту же самую, но с каким-то другим выражением лица. Более спокойным, что ли.

— Меня зовут Лика, — сказала девушка за стойкой. — Я здесь работаю уже полгода. А ты, говорят, новенькая из-за перехода?

— Да, — кивнула я. — А ты... ты тоже прошла через круг?

Лика засмеялась, негромко и чисто.

— Нет, я здесь родилась. Для нас переходы — это легенды. Мы знаем, что есть другие миры, но мало кто их видел. Ты первая за последние три года. Так что расскажешь потом, как там?

— Там... — я запнулась. — Там было серо. И люди всё время чего-то боялись.

— А здесь не боятся, — сказала Лика. — Здесь просто живут. Ну, давай, бери поднос. Первый посетитель уже идёт.

Дверь открылась, и вошёл мужчина в соломенной шляпе. Он заказал чёрный кофе и яблочный штрудель. Я приняла заказ, записала его на блокнот (блокнот был такой же, как

в моём кафе, только без трещины на обложке) и понеслась на кухню. На кухне тоже было привычно: плита, кофемашина, полки с чашками. Но не было той вечной спешки, того чувства, что ты опаздываешь. Я приготовила кофе медленно, с удовольствием, и отнесла посетителю.

— Спасибо, — сказал он и улыбнулся. У него были очень светлые глаза, почти белые. — Ты новенькая, да? Добро пожаловать. Здесь хорошо.

Я кивнула и вернулась за стойку. Лица тем временем мыла чашки и насвистывала мелодию, которую я не узнавала, но от которой на душе становилось тепло.

— Лица, — спросила я тихо, — а что здесь вместо денег? Как платят?

— Счастьем, — ответила она серьёзно. — Ты работаешь — и получаешь не монеты, а чувство, что ты нужна. А если нужно что-то купить — просто просишь. Здесь нет жадности.

— Совсем?

— Почти. Иногда приходят люди из других миров и приносят жадность с собой. Но они быстро уходят или меняются. Ты тоже изменишься, Анфиса. Уже меняешься.

Я посмотрела на свои руки. Они были такими же, как всегда, но кожа казалась светлее, а пальцы — длиннее. Или мне просто казалось?

Смена тянулась медленно и приятно. Приходили посетители: старушка с вязанием, двое детей с лимонадом, молодая пара, которая всё время держалась за руки. Я обслуживала их, улыбалась, и в какой-то момент поймала себя на мысли, что не хочу, чтобы этот день заканчивался.

После работы Лица предложила прогуляться до реки. Мы пошли вместе, и она рассказывала про город: про его историю, про то, что здесь нет правителей и законов, а есть только «общее согласие». Если кому-то плохо — ему помогают. Если кто-то врёт — его просто перестают замечать, и он исчезает. Не умирает, а переходит в другое место. Может, обратно в мой мир.

— А можно вернуться? — спросила я.

— Можно, — сказала Лица. — Но зачем? Ты же ищешь счастье. Оно здесь.

У реки мы сели на ту же скамейку, где вчера сидела с Верой. Сегодня Веры не было, зато было много чаек. Они не кричали, а тихо плавали по воде, оставляя за собой серебристые дорожки.

— Лица, — спросила я, — а ты счастлива?

Она долго молчала, потом взяла меня за руку.

— Я не знаю другого слова для этого состояния, — сказала она. — Так что да. Счастлива.

Мы сидели до заката. Две луны снова зажглись на небе, и я поймала себя на мысли, что начинаю их любить. Они были не страшными, а просто другими. Как и всё здесь.

Вечером я вернулась в оранжевую квартиру. На столе снова стоял ужин — сегодня это был суп с зеленью и горячий хлеб. Я ела и думала: «Может, счастье — это когда перестаёшь искать счастье. И просто живёшь. Работаешь. Разговариваешь с чайками. Спускаешься с шестнадцатого этажа в полёте».

Я легла спать. И впервые за долгое время не проснулась среди ночи от страха.

Судьба как будто готовила меня к новому дню, давала мне возможность запастись силами, чтобы разом перевернуть всё. В общем, новый день начался практически так же, за исключением одного — в моей квартире был человек. И не просто человек, а мужчина. И не просто мужчина, а мужчина, которого я знала давным-давно. Когда-то он понравился мне, точнее, мы однажды встретились с ним на улице взглядом. Тогда лил дождь, и я была удивлена, что случайный прохожий с такими синими пронзительными глазами подошёл ко мне и предложил зонт.

— Если надо, я переведу вас под дождём, — сказал он мне, как будто почувствовав мои мысли.

Я тогда стояла под крышей торгового центра, и мне надо было на остановку, но зонтика не было. Я думала, что мне ещё ждать и ждать, я была уставшая и голодная, а ещё мокрая, как крыса, с повисшими волосами-сосульками. Я не помню, как он довёл меня под своим зонтом до остановки, потому что была поглощена его синим, почти магическим взглядом. А потом я ещё какое-то время думала о нём. Бывают же такие: красивые, молодые, галантные. Но я даже не мечтала о таком, это казалось чем-то из ряда вон выходящим, будто мне о таком и мечтать нельзя. А теперь он был здесь, со мной... и это был мой парень. Мой парень.

Он сидел на кухне за моим столом и пил чай из моей любимой кружки — той самой, с трещиной на ручке, которую я привезла из того мира. На нём была простая серая футболка и джинсы, а волосы — русые, чуть выющиеся — падали на лоб. Когда я вошла, он поднял голову и улыбнулся. И я снова увидела эти глаза. Настоящий ультрамарин, какой бывает только на дне моря или на витражах старых соборов.

— Доброе утро, Анфиса, — сказал он. Голос был низким и спокойным. — Ты хорошо спала?

Я открыла рот, но не смогла выдать ни звука. Слишком много вопросов кружилось в голове. Как он здесь оказался? Откуда знает моё имя? Почему я помню эту встречу под дождём, но не помню, как мы стали парой? И главное — как он вообще попал в этот мир?

— Ты меня боишься? — спросил он, и в голосе мелькнула грусть.

— Нет, — выдохнула я. — Просто... я не понимаю. Мы ведь встретились один раз. Тогда, под дождём. А потом я тебя больше не видела.

Он поставил кружку и медленно кивнул.

— В твоём мире — да. Но здесь время течёт иначе. Здесь мы знакомы уже три месяца. Ты сама пришла ко мне на набережную и сказала: «Я тебя помню». Помнишь?

Я зажмурилась. Перед глазами мелькнуло что-то: вечер, две луны, его рука в моей руке. Но это было похоже не на воспоминание, а на сон, который я видела когда-то давно и почти забыла.

— Не очень, — честно призналась я.

— Ничего, — он встал и подошёл ко мне. Я почувствовала запах дождя и мяты. — В этом мире память работает по-другому. Здесь ты вспоминаешь не то, что было, а то, что должно было быть. Или то, что ты сама выбрала.

— Я выбрала тебя?

— Да, — он взял меня за руку. — В тот вечер на скамейке. Ты сказала: «Я устала быть одна. Я хочу, чтобы рядом был кто-то, кто понимает меня без слов». И я пришёл.

Я посмотрела на его ладонь. Тёплую, сухую, с длинными пальцами. На безымянном пальце блестело простое серебряное кольцо. Такое же, как у меня. Я подняла свою руку — точно такое же кольцо висело у меня на цепочке под платьем. Я носила его, не задаваясь вопросом, откуда оно взялось.

— Мы... женаты? — спросила я шёпотом.

— Нет, — он улыбнулся шире. — Но это не страшно. Здесь не нужны штампы. Мы просто вместе. И это главное.

Мы вышли из квартиры вместе. Я не полетела по лестнице — мне хотелось идти рядом с ним, чувствовать его присутствие. Он спросил, куда я иду, и я ответила: на работу, в кафе. Он кивнул и сказал, что ему надо в библиотеку — он здесь работает хранителем книг. Мы расстались на перекрёстке, и он поцеловал меня в лоб. Легко, как ветер.

— Увидимся вечером, — сказал он. — Я приду к тебе с ужином.

Я пошла в «Включите» и весь путь улыбалась. Лица заметила это сразу.

— О, у тебя кто-то появился, — сказала она, когда я переодевалась. — Я таких сияющих лиц ещё не видела.

— Это... сложно объяснить, — ответила я. — Я его знала в прошлом мире. Но только один миг. А здесь он стал моим.

— Так часто бывает, — Лика пожала плечами. — Этот мир любит завязывать узлы там, где в других мирах только ниточки.

День пролетел незаметно. Я разносила кофе, болтала с посетителями, а в голове крутилось одно и то же: его глаза, его голос, его слова «ты выбрала меня». Неужели это правда? Или я просто создала его из своего одиночества?

Вечером я вернулась домой. Он уже ждал у двери с пакетом продуктов. Мы вместе готовили ужин — оказалось, он умеет жарить рыбу так, что она тает во рту. Сидели на кухне, смотрели на две луны и молчали. Молчание было не тяжёлым, а прозрачным, как вода.

— Анфиса, — сказал он вдруг. — Ты ведь до сих пор не веришь, что это всерьёз? Думаешь, это сон, или иллюзия, или подарок судьбы, который отберут?

— Да, — прошептала я. — Боюсь проснуться.

— Не проснёшься, — он накрыл мою ладонь своей. — Потому что ты уже проснулась. Впервые в жизни. Ты просто не привыкла.

Я заплакала. Не от горя, а от облегчения. Слёзы текли сами, и он не вытирал их, не говорил «не плачь». Просто сидел рядом и держал за руку. А я думала о том, что счастье, возможно, состоит из таких минут: когда тебя принимают целиком — с мокрыми волосами-сосульками, со страхом, с недоверием. Когда не надо ничего загадывать.

Ночью я проснулась от того, что он что-то шептал во сне. Я не разобрала слов, но голос был тревожным. Я хотела разбудить его, но передумала. Пусть спит. Пусть видит свои сны. А я буду хранительницей его покоя — так же, как он хранит мой.

Потом я снова закрыла глаза. И мне приснился дождь. Но в этом сне у меня был зонт. И я ждала под ним не одна.

Глава 4

Пятнадцатый этаж

Я посмотрела в глаза Антону и сказала:

— Ты знаешь, я бесконечно тебя люблю, и то, что этот мир принял нас, — это невероятное счастье. Мне кажется, что здесь всё в концентрированном виде, и эта шестнадцатизэтажка — как модель мироздания.

Мы сидели на балконе, и две луны висели так низко, что, казалось, их можно потрогать рукой. Антон улыбнулся, но я видела, что он устал. В библиотеке последние дни было много работы — кто-то привёз целый сундук старых книг из другого перехода, и их нужно было разбирать, сортировать, вписывать в каталог. Он приходил домой позже обычного, пахло от него пылью и чем-то сладким, как бывает только от очень старых страниц. Но глаза его всё равно светились. Он был счастлив. Мы оба были счастливы. И именно поэтому я вдруг подумала: а что, если счастье не заканчивается на шестнадцатом этаже? Что, если оно ждёт на каждом?

— Слушай, — сказала я, поворачиваясь к нему. — Мы живём на шестнадцатом. Мы были на крыше — это выше. Но мы никогда не были на пятнадцатом. Ни разу. Мы спускаемся вниз, проходим мимо, а там — этаж. Надо бы нам там побывать. Хоть с соседями познакомимся.

Антон отставил чашку с вишнёвым чаем и посмотрел на меня с интересом.

— Ты хочешь пойти в гости к тем, кто живёт прямо под нами? — переспросил он. — Мы здесь уже столько времени, а я даже не знаю, есть ли там кто-то.

— Вот и я не знаю, — сказала я. — Но это даже интереснее. Тайна за дверью.

Он усмехнулся и кивнул. В этом мире мы научились не спорить с желаниями друг друга. Если кому-то хочется исследовать — значит, исследования будут.

На следующее утро Антон ушёл в библиотеку, а я отпросилась у Лики на час раньше. Вернулась домой, переоделась и стала ждать его у двери. Я почему-то волновалась, как перед первым свиданием. Пятнадцатый этаж — это ведь не просто лестничная клетка. Это целый уровень бытия. Шестнадцатый этаж — наш, обжитый, тёплый, с запахом мяты и старых книг. А пятнадцатый — неизвестность.

Антон пришёл ровно в шесть. Он выглядел уставшим, но счастливым — это было его обычное состояние после работы. Глаза чуть припухли от долгого сидения за столом, но улыбка была настоящей.

— Ну что, идём знакомиться с соседями? — спросил он, снимая куртку.

— Идём. Только ты не очень устал?

— Для приключений я никогда не устаю, — он подмигнул мне. — Пошли.

Мы вышли из квартиры и остановились у лестницы. Я посмотрела вниз. Ступеньки уходили куда-то в полумрак, и на мгновение мне показалось, что я снова в том переходе, в Междумирье. Но нет — это был просто наш дом. Две луны уже начали разгораться за окнами на лестничных клетках, и их фиолетовый свет ложился на перила.

— Давай спускаться осторожно, — сказала я. — Не полетим. Пусть будет серьёзно.

Антон кивнул и взял меня за руку. Мы пошли вниз, считая ступеньки. Сначала шестнадцатый, потом полтора — это был технический зазор, где ничего не было, просто бетон и пыль. А потом мы увидели площадку пятнадцатого этажа.

Она отличалась от нашей. На шестнадцатом была одна дверь — наша, оранжевая, с медной ручкой. Здесь же я насчитала четыре двери. Четыре. Они стояли ровно, как солдаты на посту, и каждая была разной.

Первая дверь была синей, выкрашенной яркой масляной краской, которая ещё не успела потрескаться. На ней висела табличка с чем-то, написанным от руки, но буквы плясали и не складывались в слова. Я всмотрелась — иероглифы? Нет, просто каракули. Как будто ребёнок водил рукой, не умея писать, но очень хотел оставить след.

Вторая дверь была зелёной, но не мягкой, пастельной, как другие дома в нашем городе, а ядовито-зелёной, кислотной. На ней не было таблички, но из-под порога сочился свет — не ровный, а пульсирующий, как сердцебиение. Я присела на корточки и приложила ладонь к щели. Тепло. Живое тепло.

Третья дверь была почти чёрной. Не чёрной краской, а тёмным деревом, старым, покрытым лаком, который пошёл рябью. Ручка была бронзовой, очень старой, и на ней кто-то выцарапал букву «М». Я провела пальцем по царапинам. Острые. Недавние.

И четвёртая дверь. Она была приоткрыта.

Совсем чуть-чуть, на толщину пальца. Из щели тянуло воздухом — не тёплым и не холодным, а просто другим. Как будто за ней была не комната, а целая вселенная. Антон подошёл к ней первый и толкнул легонько. Дверь не закрипела, не захлопнулась — она просто открылась шире, приглашая.

— Зайдём? — спросил он шёпотом.

— Зайдём, — ответила я таким же шёпотом.

Мы переступили порог.

И мир вокруг нас перестал быть лестничной клеткой.

Мы оказались в коридоре. Но не в обычном — в каком-то бесконечном, с мягкими стенами, которые гнулись под пальцами, как ткань. Пол под ногами пружинил, и каждый шаг звучал глухо, будто мы шли по плотному одеялу. Я оглянулась — двери позади уже не было. Был только этот тоннель, уходящий куда-то вперёд, в сферическое свечение.

— Это не квартира, — сказал Антон. Голос его звучал странно — приглушённо, как в ватной комнате.

— Это дорожка, — ответила я. — Куда-то ведёт. Пошли.

Мы двинулись вперёд. Стены переливались оттенками — там, где мы вошли, они были тёмно-серыми, но чем дальше мы шли, тем светлее и ярче они становились. Сначала появился розовый, потом жёлтый, потом бирюзовый. Ткань под руками стала бархатистой, а воздух наполнился запахом ванили и сухоцветов.

А потом дорожка вывела нас в лес.

Я замерла на границе, потому что такого леса я не видела никогда — ни в том мире, ни в этом. Это был лес, сотканный из ткани. Каждое дерево, каждая ветка, каждый лист были сшиты из лоскутов, бархата, ситца, парчи. Стволы — из скрученных полос зелёного фетра, кроны — из кружев и тюля, а вместо коры — тесьма и пуговицы. Здесь росли дубы из вельвета, клёны из атласа, а берёзы были сделаны из белого плюша, и на их стволах чернели нашитые молнии.

И игрушки. На каждой ветке висели игрушки. Маленькие, размером с ладонь или с кулак, но их было так много, что они закрывали небо. Плюшевые зайцы, вязаные кошки, деревянные лошадки на прищепках, куклы из мочала, солдатики из тряпицы. Они не двигались, но у них были лица — нарисованные углём, вышитые нитками, наклепленные из лоскутков. И все они смотрели на нас. Не зло. Не добро. Просто смотрели.

— Это как из моего сна, — прошептала я. — Мне снилось такое когда-то. Очень давно, ещё в том мире. Только я думала, что сны бывают только раз.

— Здесь бывает всё, — сказал Антон тихо. — Даже сны из детства.

Я не удержалась. Сделала шаг, другой — и побежала. Не потому, что надо было куда-то спешить, а потому, что ноги сами понесли меня по этому тряпичному лесу. Я прыгала с кочки на кочку (кочки были из набитой ватой мешковины), я гладила стволы (шершавые, приятные), я даже поцеловала одну тряпичную шишку, свисавшую с ветки. Мне было так радостно, что

слёзы выступили на глазах. Я смеялась, кружилась, размахивала руками, и игрушки на ветках тихо позвякивали пуговицами в ответ.

— Анфиса, ты как ребёнок, — сказал Антон, догоняя меня. Он улыбался, но я заметила, что его улыбка была не такой открытой, как обычно.

— А разве мы не должны иногда становиться детьми? — спросила я, останавливаясь. — Мы же пришли за счастьем. А разве детство — это не чистое счастье?

— Детство — это сложное счастье, — ответил Антон. — В нём есть не только радость, но и то, что потом болит годами.

Он пошёл вперёд, внимательно разглядывая ветки. Я шла за ним, и моё сердце уже не прыгало от восторга — в нём появилась тревога. Почему он так смотрит? Что он ищет?

Антон остановился под деревом, которое было выше всех. Его ствол был сшит из джинсовой ткани, а крона — из десятков разноцветных носовых платков. На ветвях висело особенно много игрушек: самолётики из фетра, кораблики из картона, какие-то фигурки животных, сшитые грубыми стежками. И среди них — маленький тряпичный пистолет. Чёрная ткань, жёлтый шнурок вместо курка, на рукоятке нашита красная пуговица — наверное, кнопка выстрела.

Антон потянулся к нему. Я видела, как дрожит его рука. Он снял пистолет с ветки очень осторожно, как будто боялся, что тот рассыплется. И замер.

Улыбка сползла с его лица. Совсем. Я подошла ближе и увидела, что его глаза стали влажными.

— Что случилось? — спросила я тихо.

Он сжимал этот тряпичный пистолет так сильно, что побелели костяшки пальцев. Я никогда не видела его таким — потерянным, будто время для него остановилось и отмоталось назад, куда-то в другую жизнь.

— Мне кажется, — сказал он голосом, который я едва узнала, — что мы здесь не только за счастьем. Но и чтобы прорабатывать детские травмы. Чтобы стать ещё счастливее. Понимаешь, когда-то я просил такой пистолет у отца. Точно такой же, из ткани. Я нашёл его в журнале, вырезал картинку и приклеил на стену. Я говорил отцу: «Купи, это же недорого, это же просто игрушка». А он сказал, что даже такая игрушка слишком дорога. Что у нас нет денег. Я вырос, я забыл об этом пистолете. Но вот он. Висит здесь. Ждёт меня тридцать лет.

Я взяла его за руку. Ладонь была холодной.

— Но теперь ты можешь играть с ним, — сказала я мягко. — Пистолет здесь. Ты можешь взять его. Пострелять. Почувствовать себя тем мальчиком, который просто хотел маленькое счастье.

Антон снова вздохнул. Глубоко, тяжело, как будто выдыхал не воздух, а годы.

— Дело не в пистолете, Анфиса, — сказал он. — Дело в том, что отца уже нет. Того, который мог бы купить мне этот пистолетик. Понимаешь? Не купил тогда, а теперь его нет. И я не могу вернуться и сказать ему: «Смотри, он у меня есть. Я сам его нашёл. Но это уже неважно».

Я стояла рядом и не знала, что сказать. Что вообще можно сказать человеку, который нашёл в волшебном лесу своё несбывшееся детство?

А потом произошло то, чего я не ожидала.

Антон поднял голову. И посмотрел куда-то мимо меня, вглубь леса, туда, где между двумя бархатными елями висело большое круглое зеркало в лоскутной раме. Я не заметила его раньше — оно сливалось с деревьями. Но теперь, когда Антон взглянул туда, зеркало засветилось.

И в нём появилась фигура.

Мужчина. Средних лет, в простой рубашке, с такими же, как у Антона, светлыми волосами и немного усталыми глазами. Он не был ярким — полупрозрачный, будто сотканный из лунного света, но его черты были узнаваемы. Я сразу поняла. Это был отец Антона.

— Папа, — прошептал Антон.

Тень в зеркале не ответила. Она просто стояла и смотрела на сына. Не осуждающе. Не виновато. Просто присутствовала.

— Я просил тебя, — сказал Антон зеркалу. — Я просил так сильно, что плакал по ночам. А ты сказал: «Не выдумывай, это просто тряпка».

Тень молчала. Но мне показалось, что её очертания чуть расплылись — то ли зеркало затуманилось, то ли сам Антон заплакал.

— Теперь я понимаю, — продолжил Антон, сжимая пистолет. — У тебя не было денег. Ты не издевался. Ты просто не мог. Но я вырос и почему-то помнил не то, что ты меня обнимал на ночь, а то, что ты не купил игрушку. Я нёс эту обиду столько лет. А она — просто тряпка. С пуговицей.

Он замолчал. Тень в зеркале медленно подняла руку и прижала её к стеклу изнутри. Ладонь. Такая же, как у Антона. Я увидела, как Антон вздрогнул. И сделал то же самое — прижал ладонь к зеркалу снаружи.

Они не коснулись друг друга. Между ними было стекло и, наверное, целая вечность. Но этого оказалось достаточно.

— Спасибо, — сказал Антон зеркалу. — За то, что был. Даже если не всегда так, как мне хотелось.

Тень улыбнулась. Едва заметно. И начала таять. Сначала исчезли пальцы, потом рука, потом лицо. Через несколько секунд зеркало снова стало просто зеркалом — пыльным, старым, повешенным между двух ёлок.

Антон опустил руку. Повернулся ко мне. Его лицо было мокрым от слёз, но глаза — эти невероятные синие глаза — светились. Не так, как от радости. Сильнее.

— Ты как? — спросила я.

— Кажется, я только что простил его, — сказал Антон. — И себя заодно.

Он посмотрел на тряпичный пистолет, который всё ещё сжимал в руке. Потом осторожно повесил его обратно на ветку.

— Ты не хочешь его забрать? — спросила я.

— Нет, — он покачал головой. — Он должен оставаться здесь. Для другого мальчика, который когда-нибудь сюда придёт. Для того, кто ещё не простил.

Он взял меня за руку, и мы пошли назад, по тряпичной дорожке, мимо игрушечных деревьев, мимо пуговиц и кружев. Лес провожал нас лёгким шелестом ткани. А я думала о том, что счастье — это не только радость. Это ещё и способность заглянуть в свою старую боль, вытащить её на свет, рассмотреть и отпустить. Не забыть. Отпустить.

Когда мы вышли из приоткрытой двери на пятнадцатом этаже, дом уже спал. Луны стояли высоко. Антон обнял меня и прошептал в волосы:

— Ты знаешь, я ведь не жалею, что пошёл с тобой. Даже если было больно. Это тоже часть счастья — полная программа.

Я кивнула. Мы поднялись на шестнадцатый этаж. И в этот раз я не полетела. Я шла рядом с ним, ступенька за ступенькой.

Глава 5

Восьмой трамвай и тёплые книги

Утром я поехала в кафе, а Антон — на свою работу. Но почему-то я могла думать только о нём. Мне захотелось поехать к нему прямо сейчас, не откладывая на вечер. Ведь это тоже счастье — делать то, что хочется, в эту минуту, в эту секунду, не дожидаясь правильного часа или выходного дня. Я сказала Лике, что мне надо к Антону, и мы договорились, что она справится в кафе без меня.

— Давай, — улыбнулась Лика, вытирая чашку. — Ты редко просишь. И вообще, счастье — оно ведь не только в чашках и пирожных. Иногда оно в трамвае, по пути к тому, кого любишь.

Я поцеловала её в щёку (она не удивилась, здесь вообще легко целуют друг друга) и выбежала на улицу.

На остановке я запрыгнула в восьмой трамвайчик. Он был старенький, с деревянными сиденьями и круглыми латунными поручнями, отполированными тысячами ладоней. Внутри было немногочисленно: я, одна женщина, которая сидела ко мне спиной, и мужчина. Он сел напротив, сразу уткнувшись в телефон. В этом мире есть телефоны, правда? Ну, здесь ведь всё может быть. Всё, что кому-то нужно для счастья. Кому-то — книги, кому-то — ткани и игрушки, кому-то — возможность позвонить и сказать: «Я еду к тебе». Я не стала доставать свой телефон — он лежал на дне сумки, и мне не хотелось нарушать эту минуту.

Трамвай тронулся. Мои мысли на секунду сместились в тот мир, из которого я по сути сбежала. Я вспомнила грязные улицы, вечную спешку, соседок с их ладаном. Вспомнила, как боялась возвращаться в комнату. Но я быстро пришла в себя. Ведь я здесь, и я счастливая. Здесь всегда золотая погода, я нашла мужчину своей мечты, всё легко и хорошо. Нам никто не мешает.

Мне нравилось быть здесь и сейчас, смотреть, как мелькает пейзаж за стеклом. Домики с цветными крышами, клумбы, мостовая, выложенная разноцветной плиткой. В какой-то момент я подумала: было бы неплохо проехать по всему маршруту, до самого конца, никуда не выходить, просто сидеть и смотреть. Но когда трамвай подкатил к остановке, где надо было выходить, я расплылась в улыбке и почувствовала такой сильный прилив счастья, что у меня перехватило дыхание. Ведь я скоро увижу Антона.

Остановка называлась «Мост». Хотя рядом никакого моста я не видела — только старые тополя и невысокое здание из серого камня, похожее то ли на особняк, то ли на маленький замок.

Работа Антона была хранилищем книг, и место это почти что походило на замок — с башенками, стрельчатыми окнами и коваными решётками. Но его кабинет, как он рассказывал, находился в подвале, в самом низу. Я ни разу не была у него на работе, поэтому невольно залюбовалась интерьером, едва переступив порог.

Входная дверь вела в круглый холл с витражным потолком. Свет, проходя сквозь цветные стёкла, ложился на пол осколками синего и золотого. Пол был выложен каменной плиткой, но не холодной, а тёплой, будто под ней работала печь. Вдоль стен — ниши и арки — стояли высокие стеллажи. Книги возвышались до потолка. Не лежали, а именно возвышались, как старые стражники. Некоторые были в кожаных переплётах с тиснением, другие — в простой ткани, третьи — вообще без обложек, просто сшитые листы, перетянутые шнурками.

Я прошла через холл и начала спускаться по широкой винтовой лестнице. Ступеньки были каменными, но на каждой лежал маленький коврик — вышитый, вязанный, лоскутный. Чьи-то заботливые руки. Спуск занял минуты три, и наконец я оказалась внизу.

Подвал оказался вовсе не подвалом в том смысле, к которому я привыкла. Здесь не пахло сыростью и пылью. Пахло старыми страницами, сухими травами и ещё чем-то сладким, как мёд. Свет давали не лампы, а маленькие стеклянные шары, подвешенные под потолком. Они горели ровным золотистым светом, не мигая.

Стены здесь были кирпичными, но почти полностью скрытыми за книжными полками. Полки же были не прямыми, а изогнутыми, как волны, — они опоясывали комнату, перетекали одна в другую, создавая уютную пещеру из книг. В центре комнаты стоял большой стол. На столе — стопка книг, лупа с бронзовой ручкой, чернильница и перо с железным наконечником. И Антон.

Он сидел за столом в своей обычной серой футболке, но поверх неё был надет старый кожаный фартук, весь в чернильных пятнах. В руках он держал книгу — раскрытую, так что я видела пожелтевшие страницы и витиеватые буквы, похожие на вензеля. Услышав шаги, он поднял голову. Удивление — потом недоверие — потом чистая, незамутнённая радость.

— Анфиса? — он отложил книгу и встал. — Ты... как ты здесь?

— На трамвае, — сказала я, улыбаясь. — Соскучилась. Лика меня отпустила.

Он обошёл стол и подошёл ко мне. Взгляд его был таким тёплым, что мне показалось, он обнимает меня ещё до того, как протянул руки. А потом он подхватил меня на руки — легко, как пушинку, — и закружил.

Это немного напоминало сонное царство. Мне казалось, что я читаю какую-то книгу, где главный герой — романтический, сильный и немного неловкий — подхватывает свою возлюбленную на руки и кружится с ней. И только потом, когда он поставил меня на пол и я отдышалась, я вспомнила, что на мне белое лёгкое платье — почти как у невесты, но только очень простое, без кружев и фаты.

— Ты выглядишь... как с картинки, — сказал Антон, переведя дыхание. — И платье тебе идёт.

— А ты выглядишь как хранитель книг, который слишком много работает, — ответила я, проведя пальцем по чернильному пятну на его фартуке. — Тут так красиво. Почему ты никогда меня не звал?

— Думал, тебе будет скучно, — признался он. — Здесь тихо, никого нет. Иногда мне кажется, что я единственный человек во всей вселенной, который помнит об этом месте.

— А кто ещё работает?

— Никого. Я один. Хранитель — это всегда один, — он усмехнулся. — Звучит пафосно, но на самом деле я просто сижу в подвале и вожусь с книгами. Ну, пойдём, покажу?

Он взял меня за руку и повёл между полками. Я шла и касалась ладонью корешков — они были разными. Гладкие и шершавые, тёплые и прохладные, пахнувшие деревом и пахнувшие воском.

— Сюда почти никто не приходит, — рассказывал Антон, не оборачиваясь. — Но моя работа очень важна для вселенной. Потому что то, что я здесь делаю, запускает очень важные процессы. Они влияют на мироустройство.

— И что же ты делаешь?

— Читаю. Но не так, как читают люди. Я слушаю книги. Каждая из них говорит со мной — одни голосом, другие музыкой, третьи — просто ощущением. Моя задача — определить, готова ли книга выйти в мир. Если готова — она переходит в верхние залы, и её читают люди. Если нет — остаётся здесь, внизу, созревает.

— Книги созревают? — я улыбнулась.

— А ты думала, они рождаются сразу готовыми? — он остановился у одной из полок, которая была чуть ниже остальных. — Вот, например.

Он снял с полки книгу. Она была небольшой, в переплёте из мягкой кожи цвета топлёного молока. На обложке не было названия — только тиснённый рисунок: птица, летящая над волнами. Антон протянул книгу мне.

— Приложи руку.

Я положила ладонь на обложку. И ахнула. Книга была почти тёплой — не обжигающей, а именно тёплой, как нагретая солнцем кошка. И мягкой. Будто не кожа под пальцами, а живая плоть, но не пугающая, а ласковая.

— Чувствуешь? — спросил Антон.

— Да. Она... живая?

— Не совсем. Но в ней есть энергия. Как в батарейке, только не для лампочки, а для душ. Я такие книги сразу отправляю наверх. Они нужны людям — чтобы согреть.

Он взял другую книгу — поновее, в синем коленкоре. Я приложила руку. Холодная. И тяжёлая, будто внутри не страницы, а камни.

— А эта не готова, — сказал Антон. — Ещё сырая. Писатель торопился, не дождался, пока вылежится. Такие я убираю во второй зал.

— Там их много?

— Достаточно, — он вздохнул. — Ко мне приносят книги от многих разных авторов. Но некоторые пишут с надрывом, с болью, которая не переварена. У них пока нет выдержки, нет силы. Поэтому те книги хранятся в другом помещении. Я захожу туда раз в неделю — проверяю, не созрели ли. Иногда прихожу и плачу. Не от жалости, а потому что боль настоящая, даже если книга сырая.

Мы подошли ко второй двери — тяжёлой, окованной железом. Антон не стал её открывать. Только провёл ладонью по замку.

— Там темно и горько, — сказал он. — Ты пока не готова туда заходить. И я не готов тебя туда вести.

— Когда-нибудь, — сказала я. — Вместе. Когда будем сильнее.

— Договорились.

Он улыбнулся, и мы вернулись в его кабинет. Я села в кресло напротив стола, а он продолжил работу — раскрыл книгу, которую отложил, когда я вошла, и начал водить пальцем по строкам, шепча что-то себе под нос. Я смотрела на него. На его руки — длинные пальцы, чистые ногти, маленькая родинка между большим и указательным. На его губы, которые двигались беззвучно. На складку между бровями — он сосредоточенно хмурился, когда доходил до трудного места.

«Вот оно, — подумала я. — Счастье. Сидеть в тёплом подвале среди книг и смотреть, как работает любимый человек. Не мешать ему. Просто быть рядом».

Мы пробыли там до вечера. Я не мешала — листала какие-то книги из верхнего зала (они были лёгкими, приятными, как кофе утром), а иногда просто закрывала глаза и слушала, как Антон шуршит страницами. В этом звуке было что-то древнее и успокаивающее.

Домой мы ехали уже закатным часом. На улицах зажигались фонари, и воздух стал чуть прохладнее, но не холоднее — просто свежее. Мы сели в тот же восьмой трамвайчик. Он был почти пустым: только старик с авоськой и девушка с огромным букетом полевых цветов.

— Давай проедемся подольше, — предложила я, когда трамвай тронулся. — Посмотрим весь маршрут. До самого конца.

Антон кивнул и обнял меня за плечи. Я наклонила голову и положила ему на плечо. Было тепло, уютно. За окном мелькали огни — сначала зелёные, потом жёлтые, потом синие. Город готовился ко сну, а мы не спешили.

Я была очень счастлива. И вдруг у меня возникло странное, отчётливое ощущение: кто-то настойчиво в этот момент пишет про нас книгу. Не блокнот, не дневник — настоящую книгу. Как будто перо писателя выводит слова и буквы, строчка за строчкой. И вот-вот эта книга окажется в хранилище Антона. Во втором зале. Том самом, где лежат незрелые истории.

— Ты чего затихла? — спросил Антон, почувствовав, что я перестала дышать.

— Мне кажется, нас кто-то пишет, — сказала я.

Он не засмеялся. Не сказал «глупости». Только крепче обнял и тихо ответил:

— Пусть пишет. Главное, чтобы это была книга, которую не уберут во второй зал. Чтобы мы были готовы.

Трамвай катил по ночному городу. Мы проехали мост — на этот раз настоящий, с ажурными фермами и огнями, отражающимися в воде. Проехали парк, где деревья были похожи на тех, тряпичных, только живые. Проехали остановку «Кафе "Включите"» — я увидела свет в окнах и представила, как Лика моет полы. Проехали мимо оранжевой многоэтажки.

А потом трамвай свернул в тупик и остановился. Дальше пути не было.

— Конечная, — сказал водитель.

Мы вышли. Оглянулись. Вокруг было тихо, только луны — обе — висели высоко. И мы пошли пешком, держась за руки, по пустым вечерним улицам. Домой. На шестнадцатый этаж. Потому что даже самое длинное путешествие заканчивается там, где тебя ждут.

Я ещё долго думала о той книге, которую кто-то пишет. И мне казалось, что она уже почти поспела. Что скоро её переложат из второго зала в первый. Что она будет тёплой.

И что мы её обязательно прочитаем.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.